

Год спустя...

Прошёл год с момента завершения «Уроков А.И.Солженицына». Год, вместивший в себя множество событий. И хотя я по-прежнему в тюрьме – 10 декабря исполнилось ровно 6 лет пребывания по ту сторону решётки – существенные, знаковые изменения в моей жизни всё же произошли...

Я стал дедом. Катенька подарила нам с Витой внука Дмитрия. Это затмило всё. Абсолютно всё. Да, собственно, и продолжает затмевать. Его фотографии над моей тюремной койкой соседствуют с иконкой Христа и фото скульптурного облика Будды. Каждое утро и каждый вечер наш Димушка смотрит на меня своими озорными глазищами, и моё лицо невольно расплывается в улыбке...

Впервые я увидел внука на фото. Правда, не с «первой попытки». Администрация тюрьмы моего пребывания с поэтическим названием «Серебряная вода», в которую жена с дочерью отослали фотографии, вернула их обратно с припиской о том, что мне их иметь не положено в силу характера моих обвинений. О визитах Кати с Димой, естественно, не могло идти и речи. Их попросту запретили. К счастью, вскоре меня перевели в другую тюрьму, где на присланные фото не обратили внимание, и я стал их обладателем. А вот за визиты пришлось побороться. Как оказалось, с 2007 года в системе тюрем Нового Южного Уэльса существует специальная программа «Контакты заключённых (обвинения которых связаны с несовершеннолетними) с детьми младше 18 лет». Я заполнил довольно длинную анкету. То же самое сделала Катя. И через 2 месяца, в ноябре 2010 года, я взял на руки 13-месячного Диму.

Поразительно, но все эти годы ко мне порывалось прийти множество бывших студентов младше 18 лет. Их не пускали. Не пускали, зная о существовании этой программы и возможности организации визитов. Слово «программа» звучит достаточно «громко». Вся эта, так называемая «программа» сводится к визитам детей. То есть, если к вам приходят дети, вы, тем самым, участвуете в «программе». Я очень хотел опубликовать в интернете письменное разрешение визитов внука, чтобы показать до какого уровня тотального контроля семьи, а точнее, внутрисемейных отношений, дошло правительство штата Новый Южный Уэльс. Однако, заполучить такую бумагу не удалось. Мне было сказано, что разрешение на визиты принято, но в письменном виде это решение получить невозможно. Я думаю, эта «невозможность» обусловлена элементарным нарушением международного закона о правах человека. «Органы», как всегда, не хотят «светиться».

2010 год принёс мне 1-й оправдательный вердикт. 24 марта, после повторного процесса с Гаврилой Македоном (имя и фамилия изменены), председательствующая жюри присяжных 6 раз – в связи со всеми шестью обвинениями Македона – произнесла: «Не виновен». Кроме того, жюри, на вопрос судьи, единогласно ли принято решение, хором ответило : «Да».

Постановление Верховного Суда Нового Южного Уэльса о пересмотре дел Гаврилы Македона и Геника Увонева (имя и фамилия изменены) было принято 9 декабря 2008 года, после 7-месячного рассмотрения моей апелляции. Процесс с Македоном неоднократно переносили в связи с его (Гаврилы) чрезвычайной концертной занятостью. Куда торопиться? Я и так отбываю срок. А что до справедливости, то какая разница в 55 лет вы её добьётесь или в 57, тем более, что справедливость не является приоритетом правовой системы штата (к примеру, работа Прокуратуры оценивается по количеству осуждённых, а Полиции - по количеству

арестованных!). Да, и не суть это важно. Для Австралии я – конченный человек, так сказать, заклеимённый. А то, что мне удалось обучать «гениального» Македона, ну что ж, я, видимо, должен бдагодарить за это судьбу: не каждый день фортепианным инструкторам выпадает *такое* счастье. Тем более, что сам Македон в своём Амстердамском интервью российской журналистке откровенно признался, что всегда учился сам по себе. И, особенно, в Австралии. Один, так сказать, в «поле», вернее, на острове... Кстати, несколько слов об этом интервью. Когда прочёл, не мог поверить. Подумалось, как же можно *так* рисковать своим именем? С сексуальными домогательствами проще. Риска никакого. В свидетелях – никого. Вот и думайте, было или не было. Тем более, что доказывать фактически ничего не нужно: достаточно доноса (Хотя у Македона одна осечка всё же случилась, когда Геник Увонев, призванный Гаврилой в свидетели, категорически отрицал показания приятеля). Но о годах (с 7 до 19), проведённых в моём классе Македоном, и обо всём, что с профессиональным аспектом этого периода связано, могут свидетельствовать тысячи людей: и в бывшем СССР, и в Украине, и в США, и в Израиле, и в Европе, и в Японии, и в Корее, и в Китае, и в Австралии, и Бог ещё знает где?! Ведь Гаврилину ложь, доказанная мною в письмах российской журналистке, полностью останется на-всег-да(!!!) в его биографии! Поразительно, но после этих, изобилующих фактами писем, мой бывший ученик не удосужился хоть как-то сохранить лицо (видимо, из-за полной невозможности что-либо опровергнуть!). Напротив, он в своём очередном ложном доносе сообщил в Прокуратуру Нового Южного Уэльса, что я организовал против него кампанию, целью которой является разрушение его карьеры, добавив при этом, что я манипулирую людьми, и что моё место – там, где я и нахожусь, а именно, - в тюрьме. Австралийские «органы» все эти перипетии не интересуют, как не относящиеся к делу. Местная логика примерно такова. Все люди когда-нибудь да лгут. Но делают они это не всегда. Периоды или мгновения лжи сменяются всплесками тотальной правдивости. Поэтому о человеке нельзя сказать, что он патологический лжец. Даже если его ложь неоднократно, в том числе под присягой, неопровержимо доказана. Даже если это горы лжи. Политики лгут ежедневно. И что? И ничего! Факт лжи Македона в Амстердаме доказывает только то, что в этот период у него не было всплеска тотальной правдивости. А вот в момент обвинений в сексуальных домогательствах такой всплеск несомненно был! Во всяком случае, Амстердамская ложь не доказывает отсутствие Сиднейской правды...

Я ждал повторного суда с Македоном более года. Ещё до начала процесса, в первый день юридических дебатов между тремя сторонами – защитой, обвинением и судом - случилось первое потрясение. Я смотрел на вошедшую в зал заседаний и занявшую свой «профессиональный трон» Судью, и не мог понять, наяву ли её присутствие. Это была *та же* самая женщина, которая 5 лет назад сделала всё, чтобы на процессах с Алексом Умапалатовым (имя и фамилия изменены), Гаврилой Македоном и Геником Увоневым жюри вынесло вердикт «виновен». Та же Судья, против решения которой объединить дела Македона и Увонева я апеллировал в Верховный Суд штата. С трудом преодолевая «лишение дара речи», я спросил моего адвоката, Фрэнка Койна, как такое возможно? Реакция Фрэнка была абсолютно спокойной и очень уверенной. Видимо, в его стратегии было что-то такое, что мне, как не профессионалу было неизвестно. Он попросил меня не волноваться понапрасну и не «делать волн». Должен сказать, что в течение всего процесса с Македоном я ни разу не почувствовал в поведении адвоката даже малейшего сомнения в конечном успехе. Он вёл себя так, как будто знал, что выиграет дело. Точнее, как будто он его уже выиграл...

...В тот день я впервые увидел Димушку. Мои девочки принесли его в суд. Я мог на него только смотреть: физические контакты с заключёнными в зале суда запрещены. Можете представить себе, какие чувства меня переполняли... Думаю, что появление внука повлияло и на истцов. Дима поверг их в шок, став символом моей несгибаемости. Он как бы говорил: «Жизнь продолжается, господа предавшие! Всё ещё впереди!» Для меня присутствие Дмитрия было невероятной психологической поддержкой.

1

Димушка-Родимушка,
Сладкий карапузик,
Дал мне вдоволь силушки
Чтоб врагов мутузить.

3

Помрачнели недруги,
Загрустили шибко,
Увидав Родимушку
И его улыбку.

5

Затупил им клювища,
Обломил их когти.
Распластались чудища
В луже лжи «обмокнуть».

7

Впрочем, племя – древнее,
Корня простолюдина,
Кто свершил последнее
Дело дел Иудиных.

9

Но простому правилу,
Что семьёй завещано:
Служи делу правому,

2

Защищая дедушку,
В суд пришёл, чтоб вместе
Тех смутить, кто денежки
Ставит выше чести.

4

Ох, не ждали вороны
Внука появленье,
Расстрепал их Димушка,
Разметал в мгновенье.

5

Лужа та бездонная,
Не отмыться временем.
Злятся псы бездомные
Без родства и племени.

8

Димушке неведомы
Библии истории,
Не преданьям следует,
Улыбаясь в «споре» он.

10

На добро – сердечностью,
На любовь – любовью,
Дружбою и верностью,

Сущему и вещему!

11

Оттого наш Димушка

Добротою светится.

В лучшее Родимушке

В человеке верится.

А не злобословием.

12

Не предаст возрадившего,

Честью не поступится,

Но воздаст любившему -

Благо не забудется.

13

Димушка-Родимушка,

Маленькое чудо.

Набирайся силушки

И мудрости повсюду.

Македон меня , мягко говоря удивил, отказавшись вживую давать показания в суде. Жюри пришлось довольствоваться магнитофонной записью 5-летней давности и стенограммой первоначального процесса. 25-летний Гаврила во время прослушивания сидел вместе с матерью в зале суда. Кому бы то ни было ещё присутствовать было запрещено, чтобы не травмировать истца. Мать сопровождала Македона в качестве лица, психологически поддерживающего «жертву»: достаточно примитивный, но часто срабатывающий приём Прокуратуры. Позже я понял, почему Македон откровенно струсил быть допрошенным в присутствии жюри в течение нескольких часов моим адвокатом. После окончания магнитофонной записи, Прокурор пригласила-таки его в свидетельскую ложу ответить на несколько дополнительных вопросов, после чего Гаврилу допросил Фрэнк. Перекрёстный допрос со всей очевидностью продемонстрировал, что показания Гаврилы не только ненадёжны, но и лживы. А самое главное, что ради своей выгоды истец способен мгновенно сфабриковать любые «свидетельства». Тактика адвоката была предельно проста: на доходчивых примерах показать, что, во-первых, утверждение Прокурора (и Македона, конечно) относительно невозможности не подчиняться мне в силу моего авторитарного к Гавриле отношения, мягко говоря, не соответствует действительности; и, во-вторых, что ложь Македона вполне доказуема материальными уликами.

На вопрос Фрэнка, разрешал ли я Гавриле курить и употреблять спиртное, тот ответил, что нет, не разрешал. Следующий вопрос: «Подчинялся ли Гаврила этому запрету?» Ответ: «Нет, не подчинялся.» И курил, и выпивал. Вывод: неподчинение мне было не только возможно, но и существовало в реальности. Что касается доказанной македоновской лжи, то адвокату удалось создать своими вопросами ситуацию, в которой Гаврила не мог не солгать, так как правда была ему чрезвычайно опасна. Он «споткнулся» на ...двери. Если вы помните, в «Уроках...» я упомянул, что одно из обвинений было связано с «событием», якобы имевшим место в доме, который мы снимали в 1998 году в Эппинге. Смысл обвинения сводился к тому, что я, якобы в

присутствии 3-х студентов занимался оральным сексом с Македоном и мастурбировал Увонева. Увонев подтвердил мастурбацию (это было его обвинение), но отрицал мой оральный секс с Македоном. Таким образом, три очевидца, призванные истцом в свидетели (Увонев, Илья Зозуля и Алексей Колтаков), категорически отвергли его показания. Но кульминацией македоновской лжи было не это. Самым «захватывающим» моментом процесса было подробнейшее описание Македоном двери между комнатой, где якобы всё происходило, и кухней, находившейся буквально в нескольких шагах от нашей с женой и дочери спален. Намерение Македона было показать, что происходящее в закрытой комнате члены моей семьи, жена и дочь, могли и не видеть, и не слышать. Адвокат спросил истца, с какой стороны, если смотреть из кухни, дверь имела навесы. Гаврила без сомнений ответил: «С правой». Фрэнк показал ему фото с одной третью дверного проёма, где навесов не было. Тогда истец сказал, что имел ввиду, что дверь *открывалась* с правой стороны. Поэтому на фото навесов не видно. Навесы – с левой стороны. Адвокат попросил Македона описать дверь: цвет, ручку и т. д. И тот с энтузиазмом это сделал. Очень даже убедительно. Как будто много раз эту дверь открывал и закрывал. Мистер Койн, обратившись к Гавриле, сказал, что тот врёт, что двери между кухней и гостиной никогда не было, что всё, происходящее в гостиной, можно было обозревать из коридора, куда выходили двери спален (на расстоянии 6-7 метров). Однако, Македон настаивал на своём. Адвокат не стал показывать Гавриле фото, сделанное в 1998 году в Эппинге, на котором видно отсутствие двери. Он показал это фото судье и жюри.

Все свидетели защиты – моя жена, дочь, Илья Зозуля – и, естественно, обвиняемый, то есть я, давали показания в свидетельской ложе. Свидетельства Алексея Колтакова, находящегося в США, после ознакомления с его ко мне очень искренним и исполненным благодарности письмом, судья разрешила защите представить в магнитофонной записи 5-летней давности.

Заключительное слово Прокурора длилось несколько часов и, на мой взгляд, утомило жюри. Снова подробно описывались обвинения. Без единого доказательства, либо намёка на стандарт доказанности, как объективную меру утверждаемой Прокурором моей вины.

Фрэнк затратил на итоговое обращение к жюри не более 20 минут, обозначив абсолютную голословность обвинений. Затем настала очередь Судьи. И тут случилось второе потрясение. Когда Её Честь закончила свою речь, я чётко осознал, что меня оправдают! Что меня не смогут не оправдать! Это были *кардинально* противоположные инструкции жюри по отношению к тем, что звучали 5 лет назад.

(Эта часть главы «Год спустя» была написана в апреле 2010 года)

Продолжение (начато в августе 2011 года)

Когда оглашали вердикт, я находился в абсолютно медитативном состоянии. Всё, окружающее меня, как бы исчезло. Слышал только голос офицера суда, вопрошающего председательствующую в жюри о вердикте по каждому из 6 обвинений Македона. Ответы «Не виновен» воспринимались как не наяву. Хотелось плакать... «Очнувшись» от транса и буквально плюхнувшись в кресло, я вдруг заметил слёзы в глазах женщины – члена жюри. И хотя тюрьма за годы вытравила из меня чувствительность, мне с огромным трудом удалось сдержать влагу в глазах...

После оглашения приговора, как раз во время наших с адвокатом взаимных поздравлений, отец Македона вместе с женой ринулся к ложе подсудимого, и, обратившись ко мне на русском, в угрожающей манере произнёс: «Ты ещё за это ответишь! Приезжай в Украину!» Резанула не угроза, а «ты». Подумалось, что же Вы, Николай Владимирович, так по-простецки, не стесняясь? Всё же худо-бедно, а сына Вашего выучил и на международную орбиту вывел. Понимаю, неприятно смотреть правде в глаза. И проигрывать неприятно после стольких лет оглушительных побед «на всех фронтах» (недаром ведь я учил Гаврилу только выигрывать!). Но, видимо, не случайно слова «мужество» и «мужчина» имеют один и тот же корень. Случаются в жизни и поражения. У кого-то, как в данном случае у Вас и Вашего сына, в результате судебного процесса. У других, как у меня, например, в итоге длительного педагогического воздействия на одного из любимейших учеников, оборотившегося в «за 30 сребренников предавшего».

Впервые я спускался в камеру, что находится глубоко под зданием суда (весь Сидней буквально напичкан подземными тюрьмами, расположенными под многочисленными судами и полицейскими участками!), словно на крыльях. Всё было неважно: унижения надзирателей и даже их некоторая досада за оправдательный вердикт, позже – изнуряющий обратный путь в «родную» тюрьму (из постели нас поднимают на суд в 4 утра, а возвращаемся мы в камеру в 11 вечера). Главное, я понял, что этот оправдательный вердикт – начало моего полного освобождения и абсолютной реабилитации, что теперь меня никто и ничто не остановит.

В тот день, 24 марта 2010 года, я был уверен, что суд с Увоневым не займёт много времени... Однако, как говорят, человек полагает, а Бог располагает. 3-й процесс с Увоневым был прерван на 4-й день. Почему 3-й? Потому что в 2005 году жюри 1-го суда из-за технической ошибки было распущено. После 2-го процесса (в том же 2005 году) я был признан виновным. И вот теперь, после выигранной в 2008 году апелляции, 3-й суд. И снова роспуск жюри. Тогда я не подозревал, что мне предстоят ещё две «попытки»: 4-й и 5-й судебные процессы. Но обо всём по порядку. Показания Увонева на 3-м процессе звучали в записи. Как и Македон, Геник отказался идти в свидетельскую ложу и давать показания вживую. Всё это выглядело достаточно театрально. Впрочем, это не противоречило театральности и неестественности самой англо-австралийской судебной традиции: мантии красно-чёрно-бордового цвета, парики, превращающие современных людей в персонажей 18 века, невозможность для Адвоката (как и для Прокурора) передвигаться во время перекрёстного допроса (что принято делать в США), невероятная ограниченность того, о чём спрашивать можно, и о чём нельзя, в результате чего огромное количество информации до жюри вообще не доходит (ещё одно фундаментальное отличие от американской и европейских судебных систем). Итак, в присутствии Увонева и его матери, сидевших в зале, вжавшись в кресла, крутили магнитофонную плёнку. Мать Увонева, как и ранее мать Македона, выполняла обязанности лица психологической поддержки. Представляете, 28-летний, вполне здоровый мужик, слушая свои собственные показания (!!!) нуждается в психологической поддержке. Более абсурдной и лицемерной, на мой взгляд, ситуации невозможно представить. К этому следует добавить, что заседание шло в закрытом режиме. То есть, показания Увонева (и только его, так как он априори был призван «жертвой») никто, кроме прокурора, адвоката защиты, судьи, жюри и его самого *не мог слушать*. Заранее прошу прощения, но не могу удержаться от резкости. Скажите, возможно ли в здравом уме создать законы, согласно которым возникают ситуации, которые иначе, чем «клиническими» не назовёшь? Судья (как я уже отметил ранее, та же, что и 5 лет назад) вновь допустила к слушанию свидетельства Увонева относительно

домогательств, якобы имевших место на Украине, несмотря на факт, что эту информацию никто не проверял и не расследовал. Она также разрешила проигравшему свой процесс Македону дать показания в пользу Увонева относительно поездки в поезде из Киева в Харьков в апреле 1998 года, а также относительно того самого обвинения, когда Увонев не подтвердил мой, якобы имевший место оральный секс с Македоном (эпизод, связанный с ложью Македона о двери), но последний подтвердил мою маструбацию Увонева. (То есть судья искусственно «разделила» фундаментально противоположные показания *об одном и том же* «событии», признав не имеющим значения факт, что Македон, согласно показанием Увонева, Ильи Зозули и Алексея Колтакова, солгал об оральном сексе, но имеющим значение факт подтверждения солгавшим Македоном показаний Увонева о маструбации. Лгут они или нет, по мнению судьи, должно решить жюри). Однако, ни до дополнительного перекрёстного допроса Увонева моим адвокатом, ни до показаний Македона дело не дошло. Это произошло по причине того, что на арену вступил Алекс Умапалатов(имя и фамилия изменены), кто и стал причиной очередного роспуска жюри...

В своих показаниях 5-летней давности Увонев утверждал, что во время поездки из Киева в Харьков, в апреле 1998 года, я, в числе прочих домогательств, якобы в купе поезда заставил Умапалатова выполнить оральный секс Увоневу, а Увонева – Умапалатову (Увоневу в это время было без 1-го месяца 16 лет, а Умапалатову – 15 с половиной). В 2005 году Умапалатов ни слова не сказал об этом эпизоде ни в полиции, ни в прокуратуре, а в суде заявил, что не припоминает эту поездку и какие-либо сексуальные действия с ней связанные. Так и сказал: «Не припоминаю». Как будто такое возможно забыть, либо не «припомнить»! В 2010 году, как и в 2005, защита настояла на приглашении Умапалатова в качестве свидетеля, т.к. его показания фактически опровергали свидетельства Македона и Увонева.

За два дня до показаний Умапалатова на процессе с Увоневым произошло очень важное для меня событие. Верховный Суд Нового Южного Уэльса отклонил компенсационные иски Увонева и Умапалатова (если вы помните из «Уроков...» Геник и Алекс (Увонев и Умапалатов) хотели получить через Верховный Суд дополнительную финансовую компенсацию. То же хотел сделать и Македон, подавший свой иск в апреле 2006 года. Но, переехав в Европу, от иска отказался, удовлетворившись 38 тысячами долларов, полученными от правительства штата Новый Южный Уэльс. Поразительно, но центральной травмой якобы полученной им в результате домогательств, Македон (как впрочем и Увонев с Умапалатовым) указал невозможность осуществления полноценной профессиональной карьеры. И для Увонева, и для Умапалатова, также, как и для Прокуратуры, это был серьёзный удар. Каков же был их ответ? Несмотря на то, что, согласно информации, полученной защитой от Прокуратуры, ещё за четыре дня до планировавшихся показаний в суде, Умапалатов продолжал утверждать, что не припоминает событий 1998 года в купе поезда (даже после обсуждения этого предмета с Увоневым!), за два дня до того, как идти в свидетельскую ложу, он вдруг «вспоминает» всё, абсолютно всё и полностью меняет свидетельства на противоположные, написав соответствующее заявление в полицию. Однако, делает это *после* встречи с *Прокурором* в её *офисе*. Таким образом, свидетельства Умапалатова из свидетельств в мою пользу превращаются в нечто угрожающее.

Поразительно, что несмотря на, казалось бы, незыблемое правило для повторных судебных процессов, гласящее, что показания менять нельзя, судья собиралась допустить «новые» свидетельства Умапалатова. Она с совершенно безгрешным, а точнее, лицемерным

выражением лица и голосом «святой девы» произнесла: «Но ведь он теперь утверждает, что припомнил. Что поездок в поезде и домогательств было так много, что он запутался в припоминании». Мой адвокат, мистер Фрэнк Койн заявил решительный протест и сказал, что в случае продолжения суда с «новыми свидетельствами» Умапалатова, он допросит Прокурора в свидетельской ложе. Судья, изменив голос на крайне удивлённый, почти испуганный, спросила: «Почему? Почему Вы хотите это сделать?» На что Адвокат ответил: «Потому что Умапалатов не менял своих показаний в течение 5 лет, до встречи с блюстителем законности. Но именно после этой встречи – изменил, и в результате Её Честь сама предложила распустить жюри, заявив при этом, что в случае продолжения суда будет допущена несправедливость по отношению к обвиняемому, то есть, ко мне. Так закончился 3-й процесс. В то время, в связи с «откровениями» Умапалатова, мне на ум почему-то пришли слова известной песни: «Что-то с памятью моей стало: то, что было не со мной, помню...»

Следующий, 4-й, процесс состоялся только в феврале 2011 года. Он переносился...из-за занятости Македона, что было, конечно же, возмутительно. Однако, возможно, к счастью, я уже давно стал воспринимать местную судебно-прокурорскую систему, как психиатр воспринимает пациента: с максимально возможным принятием всех маразматических проявлений. В течение 4-го процесса театр абсурда продолжался. Увонев, во время прослушивания магнитофонной записи своих, всё тех же, 5-летней давности, показаний, восседал теперь уже в свидетельской ложе. Просто сидел в ложе и... слушал. А лицо психологической поддержки (на этот раз это была женщина, представляющая группу жертв сексуальных домогательств), сидело в зале суда и смотрело на Увонева. В связи с этим очередным, и вполне очевидным, лицемерием мне вспомнилось два эпизода, связанные с поведением, «так нуждающегося» в психологической поддержке Увонева, и имевшие место в марте-апреле 2010 года.

После окончания процесса с Македоном, Увонев, возле зала суда, буквально с кулаками набросился на 70-летнего(!) друга нашей семьи, открыто выражавшего радость по случаю нашей победы. И только вмешательство двух женщин, также наших друзей, спасло пожилого человека от побоев. Чуть позже, по прошествии некоторого времени (нескольких недель), мой адвокат, Фрэнк Койн, обедал со своей матерью в ресторане. Неожиданно вошёл Увонев. Он был не один. Его сопровождала девушка – явно не из группы жертв сексуальных домогательств. Вдвоём они направились к столику Фрэнка. Приблизившись, оба стали убеждать адвоката отказаться от моей защиты. Мистер Койн был в шоке (кстати, по иронии судьбы, ранее, Фрэнк оказался свидетелем предыдущего инцидента). Со свойственным ему достоинством он отделался от странных визитёров, посмеявшихся преступить все рамки приличия...

В последнем эпизоде проявился весь Увонев, вся его натура. Вдумайтесь. Я ведь в тюрьме. У меня нет никаких прав. У моей семьи нет денег платить за адвоката. Я пользуюсь юридической помощью государства, обеспечившего мне бэрристера. Мне повезло: Бог послал гениального Фрэнка. И вот является Увонев, и, зная, что я не могу противостоять его вероломству, совершает очередную подлость. Кто же из нас двоих после этого нуждается в психологической поддержке?

На 4-м процессе произошли события, сыгравшие в будущем, как мне кажется, решающую роль в моей победе. Перед показаниями Македона, ещё до перекрёстного допроса Увонева,

которые тот давал через видеолинк из Германии, выяснилось, что одна из членов жюри, возможно, через свою дочь, знает о блестящей карьере Гаврилы. То есть, она не может быть полностью объективной в принятии решений. Мне предстояло либо дать добро на продолжение процесса с 11-ю членами жюри (с 12-й, этой женщины, полномочия были сняты), либо отказаться продолжать судебные заседания, жюри распустить и начать всё с начала. Причём, решение должно было быть принято мною в письменном виде. Риск был велик: один голос мог решить всё, ведь вердикт должен быть только(!) единогласным. Однако, я был твёрд в решении продолжать процесс. Я так и сказал адвокату: «Мы должны продолжать бороться!» Это решение оказалось не только правильным, но и повлияло на весь ход дальнейших событий. Я уверен, что именно это решение укрепило веру мистера Койна в меня и вдохновило его на совершенно выдающийся перекрёстный допрос Македона и, особенно, Увонева...

...Гаврилу переполняли ненависть и злоба (видимо, накопившиеся после проигрыша своего процесса и чтения моих, изобилующих фактами и изобличающих Македона во лжи писем). Может быть, поэтому, он, потеряв контроль, не соответствовал не только показаниям Увонева и Умапалатова, но главное, своим собственным, значительно их изменив по сравнению со стенограммой 2005 года. Македон также не знал, что все его мрачные описания нашей семейной Сиднейской жизни фундаментально противоречат 3-часовому документальному видео, сделанному нами, в том числе и Македоном с Увоневым, в 1999 году для родителей украинских студентов. Видео, которое Прокуратура вдруг решила показать жюри (этот факт до сих пор остаётся для меня загадкой, т.к. это видео полностью подтвердило клевету истцов и на меня, и на нашу семью!). Что касается нескольких дополнительных вопросов Увоневу вживую, вопросов, на которых настоял Прокурор, а это в свою очередь, дало право Адвокату тоже допросить истца, то именно эта часть процесса решила всё. На следующий день я позвонил из тюрьмы мистеру Койну и с искренним восхищением и словами благодарности сказал, что перекрёстный допрос Увонева должен войти в учебники для юристов. Фрэнк «закрыв» абсолютно все критические моменты обвинения, буквально «размазав» Геника. Причём, сделал это, минимизируя материал допроса, отбросив всё несущественное, и изложив этот материал в предельно простой и доходчивой до жюри манере. Увонев выглядел очень жалко и нервно. Он путался в огромном числе деталей, а главное, очень из-за этого расстраивался и даже порой становился агрессивным. Его природа сочинять небылицы «на месте», не думая (то есть, безоглядно лгать!) , его же погубила. Геник «потел», «сопел» и от сознания уличённости во лжи окончательно потерял лицо. Он подолгу сидел и молчал, не отвечая на вопросы. И раздражался, раздражался, раздражался... Даже Прокурор не могла скрыть разочарования, а её жесты (она сидела, обхватив голову руками, с невероятно красным от волнения лицом) выдавали отчаяние. По лицам жюри было видно, что все они вне всяких сомнений на моей стороне. Однако, всё это было видно не только мне и моему адвокату, но и, конечно же, полицейскому, «работавшему» с Увоневым (а также с Македоном, Умапалатовым и Сербичем) и во многом сфабриковавшим всё дело. Тому самому констэблу, который позже, на 5-м процессе, был уличён во лжи под присягой. Ему и, естественно, Прокуратуре нужно было что-то делать, как-то остановить процесс, так как 2-й оправдательный вердикт был уже не за горами. И снова, теперь уже во второй раз, на сцену вступил Алекс Умапалатов. Явно «обработанный» блюстителем порядка, он, в свидетельской ложе, изменил свои показания 2005 года на противоположные, зная при этом, что делать этого не может и не должен. Мистер Койн заявил протест и потребовал распустить жюри. Судья, как и на предыдущем процессе, пыталась «сохранить» судебные заседания, но Фрэнк был непреклонен. Даже я пытался

убедить его, что жюри - «наше», что никто из них не верит ни Увоневу, ни Македону, ни Умапалатову. Но мистер Койн буквально заорал на меня: «Верь мне!!!» Я замолк. Жюри распустили (к их полному, как мне кажется, разочарованию), процесс отложили, теперь уже на 5(!) месяцев, до 1 августа 2011 года. Надо заметить, что у Прокуратуры было два варианта: либо закрыть дело с Увоневым (ведь один день в суде стоит налогоплательщикам штата около двухсот тысяч долларов), либо проводить суд в 5-й(!) раз. Генеральный Прокурор (а именно он принимал решение) выбрал второе.

...Мистер Койн, воспользовавшись 5-месячной паузой, навестил меня в тюрьме и предложил обдумать три вещи: войти в Прокуратуру с ходатайством о проведении следующего процесса без жюри (все попытки защиты сделать это на предыдущих процессах наталкивались на категорический протест Прокуратуры); не приглашать Умапалатова в свидетельскую ложу вообще, а зачитать его письменные, данные под присягой, показания; и, наконец, мне на процессе хранить молчание, то есть воспользоваться своим правом не идти в ложу свидетелей. Чуть позже, в своём письме мистеру Койну, я высказался положительно по всем его предложениям (в первую очередь, по 1-му и 3-му, 2-е было делом адвоката и прокурора), так как верил Фрэнку безоговорочно.

Пять месяцев пролетели достаточно быстро. Судьёй был мужчина. На этот раз все свидетельства обвинения (за исключением полицейского и мистера Томсона) звучали в записи. Увонева в зале не было, он явился (с лицом психологической поддержки!) только в самом конце своих показаний. Сидел, уткнувшись глазами в пол. Вид у него был потерянный. На процесс также пришёл отец Маркуса Сербича (имя и фамилия изменены). Выглядел он также довольно подавленным, как бы не понимающим, что же происходит. От видеопозаказаний Македона осталось только одно аудио, да и то, какого-то странного в техническом отношении качества. А вот показания полицейского были сенсационными. Выяснилось, что полиция вообще не расследовала абсолютно критическую информацию, касающуюся одного из обвинений, в котором Македон подтверждал показания Увонева. Суть этой информации сводилась к следующему. Согласно показаниям Увонева и Македона, я, в 1998 году, якобы послал Увонева и Илью Зозулю в видеопрокат «Видео Изи» взять на моё имя (воспользовавшись моим пассвордом и членским билетом) сексуальную видеопорнографию. На процессе с Македоном в 2010 году, во время моего перекрёстного допроса, я категорически отверг эту информацию как ложную и абсурдную, утверждая, что в австралийском видеопрокате невозможно, во-первых, взять порнографию, и, во-вторых, сделать это по чужому пассворду, без удостоверения личности, лицам 16-летнего (Увонев) и 18-летнего (И.Зозуля) возраста. Илья Зозуля всю эту чушь полностью отверг. Тогда же, в 2010 году, полицейский констэбл на вопрос Прокурора, выяснял ли он, было ли всё вышеописанное в связи с «Видео Изи» возможным или нет, ответил, что выяснял, и что, да, взять порнографию в видеопрокате для Увонева и Ильи Зозули не составляло труда. В 2011 году, на процессе с Увоневым, о котором сейчас идёт речь, мистер Койн спросил того же полицейского, выяснял ли тот: имел ли видерпрокат в 1998 порнографию?; выставлялась ли таковая на стенды новых поступлений?; было ли возможным её взять лицам 16-18 летнего возраста, да ещё по чужим членству и пассворду, а также без удостоверения личности? Ответом было «нет» на все поставленные вопросы. То есть, констэбл фактически признал, что в 2010 году, ответив положительно на идентичные вопросы, осознанно лгал под присягой с целью обмануть правосудие. Судья был в шоке. Он даже спросил офицера: «Вы что же ничего не проверили, это ведь важно?» Ответом было молчание. После чего мистер Койн «добил» блюстителя порядка

следующими вопросами: «Вы знаете, что Македон также, как и Увонев обвинил Профессора Макарова? (Ответ: «Да»); вы знаете, что профессор Макаров признан жюри невиновным по всем обвинениям Македона? (Ответ: «Да»); когда Увонев в феврале 2004 года пришёл в полицию с обвинениями на профессора Макарова был ли в полиции Македон? (Ответ: «Да»); Увонев и Македона допрашивали отдельно или вместе? (Ответ: «Не знаю»)). Полицейский также подтвердил, что Увонев и Македон делали в полиции их стэйтменты (заявления) в течение месяца после первоначальной явки в участок (вне всяких сомнений общаясь друг с другом). Кроме того, между февралём и ноябрём 2004 года (начало судебных процессов) они продолжали делать всё новые и новые стэйтменты (по-видимому, корректируя показания). По мрачному выражению лица Судьи было видно, что он с трудом верит в происходящее. А полицейский после перекрёстного допроса вернулся в зал, сел в своё кресло, обхватив поникшую голову руками и сидел так довольно долго, кручинясь...

Мистера Томсона я почти не узнал. Он сильно постарел и как-то сник, обмяк. Все его показания фактически поддерживали защиту, а не обвинения. Даже когда он пытался сделать «бяку», это выглядело скорее как укор, а не как обвинение. Так мистер Томсон показал, что, во-первых, 1997 году, во время моих мастер-классов в Сиднейском Университете я своей манерой работать со студентами напугал местных педагогов. (Что же они, такие «перепуганные», после полученной «травмы», пригласили меня в Австралию на постоянную работу?). Он также сказал, что я доминировал в нашей семье, влияя на студентов (что в профессиональном отношении, а во многом и жизненном, было правдой, хотя, конечно, очень многие животрепещущие проблемы мы решали только вместе с женой, Вита ведь очень сильный, умный и талантливый человек. Она – не только моя любимая женщина, но и самый близкий друг). Словом, Томсон скорее помог защите. Смотреть на него было грустно, да и слушать тоже. Память его частенько подводила, многого он не помнил. По залу суда он передвигался как-то скособоженно. Жена мне позже сказала, что выйдя в фойе и увидев нашу дочь с внуком, он... помахал им рукой. Приветливо так помахал. Да, ничего не скажешь, кроме тривиального: « Жизнь – удивительная штука!»

Со стороны защиты выступили 4 свидетеля: Вита, Катя, Илья Зозуля и Алексей Колтаков (его показания 2005 года зачитал мистер Койн). Выступили с блеском. Лаконично, уверенно, искренно. Следующим этапом были заключительные заявления Проккурора и защиты. Прокурор затратила на это больше часа. Причём, её постоянно прерывал Судья, не соглашаясь с определёнными формулировками. Мистер Койн говорил не более 20 минут, но его речь была настолько мощной и убедительной, что Судья его *ни разу* не прервал. Это было хорошим признаком.

На следующий день, утром, Его Честь зачитал свой вердикт. Он признал меня невиновным по всем обвинениям Увоневы. При этом подчеркнув, что на основе полученных во время судебного процесса, изученных и проанализированных свидетельств, он считает, что существует огромный риск сговора между Увоневым и Македоном, риск того, что все обвинения Увоневы были сфабрикованы. Таким образом, то, о чём я написал в «Уроках А.И.Солженицына», было озвучено в зале суда 09.08.2011. Различие лишь в том, что в «Уроках...» речь шла обо всех участниках сговора, а не только Увоневе и Македоне. Ну да это теперь не суть важно. Доказать – на основе свидетельств самих конспираторов – существование сговора не составит большого труда: имеющихся фактов более, чем достаточно. В интересах дела я не стану их разглашать. Вернусь к ним позже...

После объявления вердикта, стража дала мне возможность обнять Виту. Мы также обменялись рукопожатиями с мистером Койном. Вернувшись в подземную камеру суда, я молча прыгал, как молодой козлик. Не кричал, а просто прыгал от потрясающего счастливого состояния. Вера в то, что я уже практически свободен, наполнила (и продолжает наполнять с каждым днём всё более и более!) меня с удивительной, непреодолимой мощью. Это не самоуверенность. Скорее, это предельная уверенность во Вселенской справедливости. Я ощущаю невероятную энергетику правоты моего дела. Физическое освобождение из тюрьмы и полная реабилитация – это только вопрос времени! Ближайшего времени!

(Продолжение следует).